

Ольга Гарина

БАБУШКА

повесть

Ольга Гарина
Бабушка. Повесть

«Издательские решения»

Гарина О.

Бабушка. Повесть / О. Гарина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746441-7

«Бабушка» — это девять ироничных и сентиментальных новелл, соединенных образом простой, но очень яркой женщины. «Бабушка» — это дань памяти любимому человеку, моей бабушке, которая своим собственным примером научила меня главному: доброму отношению к миру и людям. Бабушка была заботливая и невероятно живая. Именно такой, я надеюсь, получилась и книга о ней. А еще она получилась благодаря помощи и поддержке моих родителей, за что им огромное спасибо! Ваша О. Гарина

ISBN 978-5-44-746441-7

© Гарина О.
© Издательские решения

Содержание

О книге Ольги Гариной «Бабушка»	6
Как я	7
О котах и кошках	8
«Пятерочка»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Бабушка Повесть

Ольга Гарина

Корректор Галина Мондрус

Иллюстратор Серафима Калинина

© Ольга Гарина, 2019

© Серафима Калинина, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4474-6441-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О книге Ольги Гариной «Бабушка»

Бабушки – это особенный люди. Если все развивается нормально, то именно им надлежит сделать для нас две очень важные вещи: внушить нам сильную родственную любовь и испытать тяжелое чувство от ухода близкого человека.

Хороший вкус и чувство юмора помогают Ольге Гариной не впадать в излишнюю сентиментальность при воспоминаниях о человеке, сделавшим ее детство, каким оно и должно быть, таким, которое хочется вспоминать. Бабушка ее предстает перед нами живым, очень непосредственным человеком. Гарина пристально всматривается во все проявления ее характера, делает это, чуть улыбаясь, неторопливо, и ей абсолютно доверяешь, проникаясь симпатией к этой не выдуманной, а реальной женщине.

Очень хорошо, что юмор совершенно не мешает трогательной любовной интонации, с которой написаны Ольгой Гариной ее новеллы.

Мне кажется, что они удачно иллюстрированы Серафимой Калининой. Характер героини передан очень точно.

Хочется пожелать грядущих успехов авторам этой книжки.

Юрий Ряшенцев

Почему я все время о доме,
О промокшей рябине на даче?
Позабыла я многое, кроме
Этой редкой, из детства, удачи.
Когда нет ни судьбы, ни молитвы,
Только воздух прозрачный и гулкий.
И острее, чем лезвие бритвы,
Память каждого шага и звука.

Как я

В 30 лет вдруг выяснилось, что я такая на Земле одна. Нет, я не идиотка, не подумайте! Я, конечно же, догадывалась, что ни у кого нет такого носа, таких ушей, глаз. И что не найти больше людей со столь странной привычкой – чесать пятки, когда чего-то с нетерпением ждешь. А если пятки замурованы в туфли или ботинки, то я тогда чешу лоб. Да, я понимала, что никто, кроме меня, не ест селедку вместе с конфетой «Батончик». И в глубине души была уверена, что одна рассматриваю альбомы с семейными фотографиями, лежа в ванной. Ну, нравится мне так. Иначе мочалка не мылится.

А еще, находясь в ресторане, почему-то заказываю не то, что хочется. Ну, например. Смотрю я в меню, а сама думаю: «Надо заказать салат „Цезарь“, сто лет его не ела!» Подходит официант, и что вы думаете, я ему говорю? «Суп-пюре из шампиньонов!» Ну как это называется? С кем еще такое может происходить?!

Что же мне давало основание считать, что я такая не одна? Слова моей бабушки. Она на протяжении всей моей жизни, изо дня в день, твердила одну и ту же фразу: «Ты прямо как я, ей богу!» Иногда бабушка произносила эту фразу по поводу вещей, которые мы делали совсем по-разному. Когда я мою посуду, то почему-то вытираю полотенцем только тарелки. Чашки так и ставлю мокрыми в шкаф. Бабушка никогда так не делала. Она тщательно терла и тарелки, и чашки, и ложки – до тех пор, пока они не становились абсолютно сухими. Но когда она наблюдала за моим вопиющим нарушением всех правил мытья посуды, ей казалось, что и она так делает. Почему? Потому что она меня очень любила. А я это чувствовала и понимала, что такая – со своими чудачествами – не одна. Что всегда, в самый неловкий, нелепый момент моей жизни, меня поддержит бабушка.

В прошлом году бабушка умерла. И мне больше никто не говорит: «Ты прямо как я, ей Богу...» И теперь я такая одна...

Я неумело так живу,
Постичь пытаюсь мирозданье
И к строгому святому зданью
В скорлупке треснувшей плыву.

Не в такт пишу, не в такт дышу,
Смеюсь, когда другие плачут,
Но след шагов переиначить
Я у судьбы не попрошу.

Узнав все даты наперед,
Укроюсь теплым одеялом.
Мне целой жизни было мало,
А целой смерти не черед.

Во сне увижу райский сад,
В нем голоса живут из детства,
Мне грош достался от наследства
И дома выцветший фасад.

О котах и кошках

– Валера, Валера! Ты идешь?

Это бабушка зовет моего мужа, Юру. Если бы ей нужен был Валера, то она кричала бы: «Юра, Юра!»

Свою дочь и мою маму, Галю, бабушка называла Олей. А меня, Олю, – Галей.

В нашей семье всегда жили кошки. Или коты. Вернее, нет, не так. У нас жили то кошки, то коты. О половой принадлежности этих животных люди посторонние могли судить по бабушкиным репликам в их адрес. Если бабушка кричала: «Слезь со стола, дура такая!» – то значит, это был кот. Когда же в воздухе гремело: «Ах ты, сволочь такой, ты куда грязными лапами пошел?!» – то речь шла о кошке.

Если своих ближайших родственников бабушка время от времени все же называла правильно, то, обращаясь к братьям нашим меньшим, бабушка была безнадежно последовательна. Кот – это она, кошка – он!

Однажды мы с подругой (я тогда еще училась в школе, классе в шестом) решили поставить эксперимент. Принесли домой кошку, но что это кошка, – никто, кроме нас, не знал. Мы хотели проверить бабушку. Посмотреть, как она будет обращаться к животному, чей пол ей неизвестен. Бабушка готовила гороховый суп. Мы вошли на кухню, держа кошку в руках. «Бабушка, посмотри, кого мы принесли!» Произнеся эти слова, я поставила кошку на стол. Обернувшись на мой голос бабушка увидела страшную картину. Незнакомая кошка сидела на кухонном столе и нюхала хлеб! «Черт такой! Уйди со стола! Где вы его взяли?» – бабушка хлестала полотенцем ничего не понимающую кошку. От ужаса животное пригнулось и страшно шипело. Но бабушку это не смущало. Она была вне себя и продолжала избивать несчастное животное. А мы ликовали! Бабушка не подвела. Она сказала: «Где вы ЕГО взяли?», безошибочно определив, что это кошка. Чем закончилась эта история, я не помню. Надеюсь, что кошка все-таки выжила.

Об этой странной особенности бабушки путать очевидные вещи я как-то раз говорила с психологом.

– В каком году она родилась? – спросил психолог.

– В 19-м.

– Так это же самый голодный год!

– Да, именно поэтому бабушка до семи лет вообще не говорила.

– Так что ж вы от нее хотите, – философски заметил психолог, – скажите спасибо, что она вообще выжила. А уж как кого называет – это сущая ерунда.

Я согласна с психологом. Главное, что моя бабушка выжила в самый голодный послереволюционный год. Но я все равно не могу понять, почему кошка – это он, а кот – она. Почему Валера почти всегда был Юрой, а Юра – Валерой. Ведь помидор-то она называла помидором, а не кабачком. А веник у нее был только веником. Никогда, ни при каких обстоятельствах он не становился совком.

Но иногда мне приходят в голову те или иные объяснения этой бабушкиной странности. И вот одно из них.

Для себя она не жила ни дня. Все время думала о нас. О каждом в отдельности и обо всех вместе. Эта картина единой любимой семьи была фоном ее жизни. Картинкой, где счастье Валеры было счастьем Юры, а счастье Гали – счастьем Оли. Когда она думала об одном, параллельно в сознании появлялся другой.

Как бы она ни возмущалась по поводу нахождения в нашем доме кошек, они тоже были отражением общего семейного счастья. Они приносили радость в дом и существовали вне пола, породы и других отличительных признаков. И это свое отношение она неосознанно выражала в смешных, нарочито неправильных обращениях.

Но может, дело было и не в этом.

Впрочем, зачем анализировать то, что было свойственно только моей бабушке. Ведь она была особым, ни на кого не похожим человеком.

Короткая, смешная жизнь,
Отрезок между «был» и «не был»,
Пройти бы этот путь по небу,
Выкладывая коллажи

Из мимолетных легких встреч,
Из листьев осени прохладной,
Ошибок поздних и досадных
И клятв, что не смогли сберечь.

Моя нечаянная грусть
Вдруг острым месяцем проснется
И словно маятник качнется,
Ведя судьбу к частице «пусть»!

Пусть я замерзну на ветру,
Пусть проливным дождем накроет,
Пусть нежный голос успокоит,
Произнеся: «Жива!» к утру.

«Пятерочка»

Из телефонного разговора с моей бабушкой.

– Ида, пойдем погуляем на улицу!

– Мне что, четыре года, чтобы на улице гулять?!

Гулять бабушка не любила, считала это пустой забавой. Не любила сидеть на лавочке с соседками. Улица – это не праздник, не развлечение, улица – это отрезок пути между домом и магазином. Так считала бабушка. И если кто-то все же умудрялся вывести ее на прогулку, то вряд ли потом вспоминал этот эксперимент с удовольствием. Дело в том, что бабушка не ходила, а маршировала. Вперед, к заветной цели, широкими семимильными шагами.

Мы жили в разных районах Москвы. Любимыми для бабушки становились те районы, где было больше магазинов. Ну а если рядом с домом находился рынок, то район объявлялся лучшим. На рынке можно было купить не только свежие, но и дешевые продукты.

«Ой, кислятина какая!» – говорила бабушка, пробуя квашеную капусту. Таким же кислым, как капуста, было в этот момент и выражение ее лица. Продавцы начинали нервничать и оправдываться, мол, не может быть, капуста свежая и вкусная, сами только что пробовали. Но бабушка была непреклонна. Она руками брала еще порцию, отправляла ее в рот и делала совсем уже невыносимое лицо. Со стороны могло показаться, что у человека начались серьезные проблемы с пищеварением.

– И почему? – продолжала диалог бабушка.

– Пятьдесят рублей килограмм, – неуверенно отвечал продавец.

– Сколько??? – в этот момент бабушка хваталась за живот, будто она эти пятьдесят рублей только что проглотила.

– Ладно, берите за сорок, – продавец уже чувствовал свою вину.

– За тридцать возьму. Для соседки. Она эту кислятину собаке отдаст! – делала одолжение бабушка. Как будто собака такая глупая, что станет есть кислую капусту!

В итоге, со скорбным лицом человека, только что потерявшего смысл жизни, продавец отдавал бабушке капусту за тридцать рублей.

Со словами «Ладно уж, возьму, лишь бы не пронесло!» бабушка брала пакетик и отходила от прилавка.

Вечером она звонила нам домой и рассказывала о прошедшем дне. Шло долгое перечисление купленных продуктов с подробным анализом их стоимости, количества и качества.

– Яйца – звери! В «Перекрестке» – по тридцать рублей и маленькие, а я – в «Пятерочке» взяла за двадцать пять.

Помните монолог Жванецкого про раков в исполнении Карцева? Так вот, этот монолог был списан с моей бабушки.

– А огурцы?! – бабушка продолжала свой доклад. – Они совсем с ума сошли (не огурцы, а те, кто придумал цены на них)! Четыре огурчика – сорок рублей. На черта мне это надо?

Потом бабушка рассказывала про окорочка Буша, которые нужно отправить обратно Бушу, про порошковое молоко из магазина напротив, про подорожавший гусиный паштет (паштет через е – это было для бабушки как-то мелковато). Самую важную информацию, ту, которая вызывала чувство гордости, она оставляла на конец разговора и выдавала порциями. Мы должны были услышать каждое слово, пережить вместе с ней эти волнительные моменты покупки товара номер один.

– Я сегодня была на рынке, – загадочно начинала бабушка и останавливалась.

Выдержав паузу, она продолжала:

– Какая квашеная капуста, о-е-ей! Ты такую не пробовала! Загляденье, а не капуста. Я сама такую не пробовала!

Пауза.

– Но что мне это стоило? Он ее отдавал за пятьдесят рублей!

Пауза.

– Но я взяла за тридцать.

– Как тебе это удалось? – возникал резонный вопрос на той стороне провода.

– Все вам расскажи! – отвечала бабушка. – Удалось!

И мы остаемся ни с чем! Страшную тайну покупки капусты (морковки, сыра, помидоров) она раскрывала на следующий день, ведь капуста была куплена для нас, и хотим мы этого или нет, но мы должны зайти за ней к бабушке. Мы появлялись у нее дома с банками и сумками. Вместе с капустой бабушка нам передавала суп, а также паштет, окорочка и огурцы. Сопrotивляться было бесполезно, тихонечко выкладывать продукты обратно, в холодильник, – тоже. Она все равно находила способ нам это все вернуть. И вот буквально уже на пороге она улыбалась и шёпотом говорила: «А я-то его обманула, сказала, что капуста слишком кислая. Во дурак-то!»

А потом она звонила и спрашивала: «Ну и как?» В смысле, понравилась ли капуста? И мы отвечали, что капуста и вправду пальчики оближешь, хотя этот факт мог подтвердить только папа. Ни я, ни мама, ни мой муж квашеную капусту не едим. Но от бабушки это, конечно же, тщательно скрывалось.

Бабушка ела очень мало. И себе почти ничего не покупала. После нашего ухода у нее оставался пустой холодильник. Она искренне расстраивалась, если мы ей что-то приносили. Дело доходило до шекспировских страстей. Представьте себе сценку: два взрослых человека стоят посреди кухни и чуть ли не дерутся. Один пытается что-то положить в холодильник, другой это вытаскивает. Бабушка всегда побеждала. Она была очень сильная в такие моменты. Впихивала продукты с каким-то особым остервенением. Била нас по рукам, злилась и возмущенно говорила: «Хоть убей меня, есть это не буду! Галя (Оля, Юра, Валера), чтоб я так жила, забери, у меня это испортится!» Когда главные аргументы были исчерпаны, в ход вступал последний, самый весомый: «Я выкину это все в мусоропровод!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.